

Посвящаю эту статью Эльвине Якобсон, в доме которой я несколько раз останавливалась в селе Эстонка в 1980-х годах.

Окончание

В 1887 г. из эстонской слободы Смородина из Симбирска приехал кистер-учитель Йохан Пихлакас. Кистер-учитель обучал детей в будние дни и проводил лютеранские богослужения для жителей села в том же помещении по воскресеньям. Пихлакас основал первую в Эстонке библиотеку. (В домах отдельных семей к тому времени уже было довольно много литературы). Подписка и чтение газет значительно возродились в его время. В 1889 г. 38 экземпляров газет из Эстонии были розданы 57 владельцам хуторов в Эстонке. Сам Пихлакас писал длинные рассказы о жизни на Кавказе для газет Эстонии.

На фоне просветительской жизни эстонских колонистов следует отметить, что еще в начале XX века почти 90% населения Абхазии было неграмотным.

Йохан Пихлакас был удивлен уважительным отношением к эстонскому языку на Кавказе. В 1888 г. он писал в газете «Sakala»: «Что меня более всего удивило, когда, приехав в Сухум, я увидел, что помимо русского и еще каких-то языков, я нашел вывески и на эстонском. Например: «Võõrastemaja», «Söögimaja» (Гостиница, Столовая), что можно было прочитать на печатных этикетках. Эстонский язык здесь вообще уважают. Особенно торговцы стремятся его выучить, а некоторые армяне и грузины, в магазинах которых вы войдете, начнут задумываться над настоящим эстонским языком и плести с вами нить разговора. Здесь, думая о неких прибалтийских городах, я мог бы нарисовать несколько добрых размышлений, но пусть это будет сделано не мной».

В 1889 г. на хуторе Пеэтера Пинта в Эстонке был организован первый спектакль «Виррварр». Вечер был дополнен выступлением скрипичного трио, а также впервые прозвучали светские хоровые песни. Из 30-ти рублей дохода от этого мероприятия, несколько рублей пошло на покрытие расходов, остальное на музыкальные инструменты. В хлеву Густава Миксона, который был предварительно очищен, и в нём были расставлены скамейки, тоже была организована театральная постановка.

В процессе подготовки еще нескольких пьес инструменты струнного квартета были окончательно собраны. Со временем оркестр пополнился флейтой, кларнетом, контрабасом, альтом и скрипкой. Созданный оркестр действовал до весны 1918 года.

Осенью 1889 г. монахи Драндского православного монастыря во главе с его настоятелем, после лютеранской службы прибыли в эстонский школьный храм, с целью обратиться народ

в православную веру. Настоятель монастыря, обрусевший немец, объяснял эстонцам, что лютеранская вера — негодная и ложная вера, приверженцы которой не могут даже говорить о попадании в рай. Было предложено перекрестить сразу все население села. Эстонцы не согласились, и монахи ушли недовольными. В последующие годы, однако, спор с православным духовенством не было, оно даже присутствовало на освящении участка новой эстонской лютеранской школы-церкви, и на торжествах в честь открытия здания школы. Эстонцы, в свою очередь, снабжали монастырь сельскохозяйственными продуктами.

В 1891 – 1892 гг. завершение строительства дороги Новороссийск-Сухум стало значимым событием в регионе. В то же время была построена приличная дорога Сухум-Дранда. Это было время, когда началось развитие курортов на побережье Черного моря, что, в свою очередь, способствовало развитию рыночной экономики и заложило основу будущего процветания Эстонки.

Эстонка с момента основания неоднократно терпела бедствия в связи с наводнениями при выходе из берегов реки Кодор, которые уничтожали как поля, так и личное имущество. В 1888 г. река смыла дом с его содержимым. В 1891 – 1892 годах, когда опасность наводнения была наибольшей, по распоряжению начальства у реки каждую неделю из разных деревень стояли три сторожа, один конный и два пеших, которые должны были сигнализировать огнями в случае наводнения. Некоторые из прибрежных эстонских семей постепенно переезжали на более высокую территорию. В 1895 году воды Кодора смыли ферму бывшего кистер-учителя Йохана Пихлакаса. Уничтожение лесов способствовало наводнениям.

Осенью 1891 г. новым кистер-учителем стал Якоб Михкельсон, который был первым, прошедшим экзаменацию, учителем в Эстонке. Он был одним из основателей Юлем-Линда (Верхняя Линда). До переезда в Эстонку он сдал экзамен на учителя на родине. Как учитель, он получал жалованье 150 рублей из фонда помощи и 250 рублей от деревни, кроме того, имел право пользования землей. Михкельсон принес свою личную фисгармонию в молельный зал школы, где играл на ней во время богослужений. В Эстонке у некоторых других более состоятельных семей в домах тоже были фисгармонии.

Во времена Михкельсона струнный оркестр был расширен. Оркестр выступал перед жителями своей деревни и перед властями, посещавшими Эстонку, и его стали приглашать для выступлений на публичных мероприятиях в Сухуме. До-

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ ВЪСТНИКЪ

#202

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com
Автор статьи: Марика Миккор

ЕЛЬСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И ДОМ СЕЛЬСКОЙ УПРАВЫ ЭСТОНКИ. ФОТО НАЧАЛА 1910-Х ГОДОВ.

О ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛА ЭСТОНКА В КОНЦЕ ЦАРСКОЙ ЭПОХИ

ход от концертных вечеров был использован на обновление инструментов оркестра и на покупку органа для школы-церкви. (А духовой оркестр Юлем-Линда играл в клубе в Сухуме уже в середине 1880-х годов. Духовой оркестр города Маарду из Эстонии под руководством Михкеля Каареса обосновался в Юлем-Линде!)

Михкельсон был большим сторонником движения воздержания от спиртных напитков, заказал календарь воздержания и много раз высказывался на эту тему. Начало 1890-х годов характеризовалось чрезмерным употреблением алкоголя сельчанами.

В 1896 г. Михкельсон перешел работать надсмотрщиком на опытную станцию садоводства и земледелия в Сухуме. Вместе с хозяйственными деятелями Эстонки он участвовал в 1898 г. в основании Сухумского сельскохозяйственного общества. В 1902 г. Михкельсон построил двухэтажный кирпичный дом на улице Карантинная (позже ул. Чанба) в городе Сухум. Он стал уполномоченным представителем Одесского пивоваренного завода и заведующим местным пивным складом. На стеклянной двери пивного склада бывший активист воздержания от алкоголя написал на эстонском языке надпись: «Заходи, эстонец, свежее пиво».

В середине 1890-х годов произошли изменения в колониальной политике. При благоприятной ситуации на казенных землях в регионе теперь могли селиться только русские колонисты. В середине 1890-х годов часть земель Эстонки была выделена Драндскому православному монастырю. Большой участок земли посреди села Линда тоже был выделен русским, «как говорили представители правительства, как затравка для обрусения эстонцев». Русские полностью сожгли лес на участке выделенной им земли, а затем, продали право пользования своими участками мегрелам.

В 1896 – 1899 годах кистер-учителем работал Август

Хярмс, которого некоторые сельчане стали недолюбливать за то, что женился на православной девушке. Пастор Бернхофф, который время от времени посещал поселение, также относился к нему враждебно по этой же причине. Люди, принадлежавшие к элите села были лютеранами, и для Хярмса подходящей невестой могла быть таковая только из их компании. Во время Хярмса для двора школы-церкви был приобретен церковный колокол. В 1899 году Хярмс уехал в Одессу работать бухгалтером, где зарабатывал гораздо больше, чем в Эстонке.

В 1900 году кистер-учителем в Эстонку прибыл Михкель Йоханнес Вунк. В 1901 году школа была преобразована в одноклассное «министерское училище», то есть училище, входящее в систему образования министерства просвещения империи. Некоторые из детей села Эстонка продолжили обучение во Владимировском двухклассном «министерском училище».

К началу 20 века часть поселенцев достигла значительно состояния, что проявлялось и в их жилье: было построено несколько кирпичных домов с паркетными полами. Некоторые из первых жителей села, например те, у кого были взрослые сыновья, могли взять больше земли. У некоторых из них осталась земля в Самаре, деньги за аренду которой они продолжали получать. Более предприимчивые колонисты захватывали участки земли одновременно в нескольких колониях, а затем продавали право пользования землей. (Например, в 1884 году Михкель Каарес — один из первых жителей при основании села Линда, уже в 1885 г. присвоил себе участок земли в Нурмекунде Тверской губернии. В течение нескольких лет он занимал два отдаленных места одновременно). Однако большинство людей находилось в гораздо худшем положении.

Поселенцы получили 20-летнее освобождение от налогов. К началу 20 века, когда Эстонку начали облагать налогом, в деревне из 1.110 десятин по-

лезной земли оставалось всего 700 десятин. Часть земли была выделена монастырю Дранда, а часть — армянскому селу Шамяновка. Налог был установлен в размере свыше 600 рублей за 700 десятин.

В целом переселенцы были довольны своей жизнью на Кавказе. Йоханнес Пихлакас писал в газете «Virulane» в 1906 году: «Теперь, когда миновали «первые беды», с которыми столкнулись при поселении, здешние люди всегда благословляют тот час, когда они освободились от рабства прибалтийских помещиков и смогли жить свободно и независимо».

Были налажены тесные культурные и экономические связи с эстонцами близлежащих эстонских деревень Юлем-Линда (Верхняя и Нижняя Линда) и города Сухум. До 1920-х годов сохранялись частые контакты с родиной, откуда заказывали инструменты, книги, газеты и т. д., привозили невест и навещали родственников.

Во время революции и беспорядков 1905 – 1906 гг. эстонцы, жившие вокруг Сухума избегали конфликтов с какими бы то ни было сторонами. В октябре 1905 г. на монастырь Дранда в окрестностях Эстонки было совершено нападение, в результате которого было убито духовенство и украдены ценности. В конце февраля 1906 года в Абхазии было объявлено военное положение. В окрестностях Сухума как многонациональные колонисты, за исключением грузин, так и коренные абхазы воздерживались от каких-либо действий против властей. Бунты и беспорядки, но ставили эстонцев в положение жертв грабителей. Бывший учитель Пихлакас писал в газете «Päevaleht» в 1906 году: «Когда в прошлом году агитаторы говорили о свободе, братстве и нововведениях и призывали народ бороться за свободу, необразованная толпа поняла, что теперь они могут свободно грабить».

Кистер-учитель Вунк, который был охотником, организовал группу жителей деревни

СТРУННЫЙ ОРКЕСТР ЭСТОНКИ. РУКОВОДИТЕЛЬ ЙООСЕП ПИНТ С ДОЧЕРЬЮ. ФОТО ОКОЛО 1914 Г.

КИСТЕР-УЧИТЕЛЬ И ПОРТНОЙ ЙОХАН ПИХЛАКАС. ФОТО 1912 ГОДА.

ХЕНДРИК ТИИДО С СЫНОВЬЯМИ ЯНОМ, КАРЛОМ, КОНСТАНТИНОМ, МАРТИНОМ И АЛЕКСАНДРОМ. ФОТО ОКОЛО 1910 Г.

для защиты своих домов. Но им не было суждено столкнуться с преступниками, которые, однако, ограбили Пихлакаса, заработавшего на хлеб будучи портным. Вечером 28 января 1906 г. из его дома забрали всю лучшую одежду, новую швейную машинку и другие вещи. Мегрельские разбойники не проявили пощады к безоружному портному.... Из непосредственных впечатлений Пихлакаса можно сделать вывод, что невозможно было провести границу между тем, когда это была революционная деятельность, и когда это был простой грабёж. Грабители, в основном грузины, были хорошо вооружены, так как лишь у немногих из эстонцев и русских были револьверы или дробовики. По мнению Пихлакаса, единственно возможная тактика поведения в таких случаях заключалась в том, чтобы отдать нападавшим все, что они хотели, так как малейшее сопротивление могло стоить жизни.

Еще хуже дела обстояли в Линде, где хутора были разбросаны по всей территории деревни, далеко друг от друга. Вскоре после основания Линды несколько раз эстонские газеты писали о нападениях разбойников мингрельской национальности на эстонских колонистов, о грабежах и изнасилованиях, а также о некоторых убийствах. Подобные сообщения встречаются и в мемуарах жителей. Видно, что в то время на Кавказе иногда действовали «законы джунглей».

С сочувствием Пихлакас относился к коренному населению края — абхазам, которых он описал в газете «Päevaleht» 1906 года следующим образом: «Тем не менее, в некоторых отношениях они обладают лучшими качествами, чем христианские грузинские народы. Абхаз имеет более прямой характер и более честен в делах, более правдолюбив и верен своему

слову. Но мингрел — коварный, без чувства чести, единственное усилие которого состоит в том, чтобы обмануть вас всеми способами».

Беспорядки в Абхазии закончились тем, что за то, что абхазы не принимали участия в антиправительственной деятельности и грабежах, царское правительство с подачи Петра Столыпина отменило их статус виновной нации-изгоя.

Более образованные эстонские колонисты были осведомлены как в истории Абхазии, так и о своей роли в колониальной политике царизма, и сочувствовали туземцам, на землях которых они поселились. При этом сами эстонцы, в основном, имели хорошие отношения с местными представителями царского правительства, ведь их деревни были рождены именно его колониальной политикой.

События 1905-06 гг. были одной из причин, по которой Пихлакас переселился из Кавказа в Крым в 1907 году. Он писал в газете «Päevaleht»: «Мегрелы в этом отношении особенно сумасшедшие. Они полные паразиты для поселенцев. Твои фрукты и овощи они уносят не переставая, они также крадут кукурузу с поля, которую готовят на огне и едят. Там, где они не могут сделать это тайно, они берут это силой. Еще больше едят их быки-буйволы, которых они совсем не сдерживают, поедая кукурузные поля прямо на просторе — в последнее время они гонят буйволов прямо на зерно, а сами стоят на страже. Ни о чем не беспокоятся, когда приходит хозяин; более того, они издеваются над ним — иногда даже отбирают у него одежду вместе с другими ценностями, т. е. деньгами, которые случайно оказываются поблизости».

Идея социал-демократии сама по себе, вероятно, тоже была не совсем чужда эстонцам. Кистер-учитель Вунк читал революционную литературу,

присланную ему из Парижа, отпечатанную на папиросной бумаге, в кругу избранных в это смутное время. Однажды, слегка пьяный, маршируя по Эстонке с деревенской молодежью, Вунк спел «Марсельезу», но на этом его революционная деятельность закончилась. Летом 1906 года Вунк покинул Эстонку, поселившись в Тарту, где работал в редакции газеты «Postimees», а затем в хозяйственном товариществе.

В 1907 году новый кистер-учитель Эстонки Вольдемар Соовик начал планировать строительство кирпичного здания школы-церкви. Для этого был создан строительный комитет и построена печь для обжига кирпича. За свои деньги сельчане могли заказать кирпичи и для строительства своих частных домов. Создавали свои печи для обжига кирпича и некоторые жители села, например, Хиндрек Тиидо. У него было много сыновей, что означало наличие у него свободных рабочих рук. Из эстонских деревень в Абхазии в царское время каменные дома строились только в Эстонке.

В 1908 г. было начато строительство железобетонного фундамента школы. 22 мая, в праздник Вознесения Господня, в присутствии прихожан был торжественно заложен краеугольный камень новой школы-церкви Эстонки, богослужение провел пастор Бернхофф. На лютеранской церемонии присутствовали, в частности, колониальные чиновники. Свое благословение дал и православный священник из соседнего болгарского села Владимировка. Выступил эстонский скрипичный и певческий хор.

В 1910 г. пастор Бернхофф благословил новую кирпичную двухклассную школу-церковь. В двухдневных торжествах приняли участие эстонцы из Линды и Сухума, и мегрелы, русские

СЛЕВА НАПРАВО: МИХКЕЛЬ КАРО, ЯКОБ ПИНТ (РУКОВОДИТЕЛЬ ДРАМКРУЖКА) И СИЛЬФРЕД ПИХЛАКАС ИЗ ЭСТОНКИ 1910 Г. ВЕРОЯТНО, ВОЗЛЕ ДРАНДСКОГО МОНАСТЫРЯ.

и другие из соседних сел, всего около 400 гостей. В первый день в молельном зале было организовано богослужение, освящение зала и класса, выступил певческий и скрипичный хор. Потом был пир на улице, еду приносили жители деревни. Трапеза продолжалась до вечера. Вечером в клубном доме была поставлена бесплатная пьеса. На второй день была служба с причастием, а потом снова пир.

Зимой 1911 г. на субтропический регион обрушился беспрецедентный двухмесячный снегопад, снега доходили до карнизов в Эстонке и Сухуме. Хотя лопат для уборки снега не было, между домами в снегу были прорыты дороги и тоннели. Весной под снегом были обнаружены мертвые животные, уничтожены первые молодые мандариновые плантации, обвалилась крыша игрового дома (дома общества). Благодаря большим запасам сена эстонцы пострадали меньше, чем соседние народы.

В 1912 – 14 гг. театральное игровое общество Эстонки под руководством Соовика построило новый общественный дом из бетона, но внутренней отделке его помешала война. Организовывались выставочные продажи, а также собирались деньги на вечеринках. В 1911 и 1912 годах Соовик обучался плетению корзин в Тбилиси, а в 1912 году ввел это учение и в школе Эстонки. Для этого он заложил на территории школы специальную плантацию плакучей ивы.

В 1912 г. жители Эстонки участвовали в создании Эстонского Экономического товарищества Сухума. Якоб Михкельсон принимал активное участие как в хозяйственном сообществе, так и в организации общего песенного праздника кавказских эстонцев. Эстонцы из Эстонки и Якоб Михкельсон помогли в строительстве Сухумской лютеранской церкви. Песенный праздник проходил в Сухуме в мае 1914 года на Пятидесятницу, когда среди эстонских поселенцев Крыма и Кавказа участвовали и жители Эстонки, оркестр и певцы. Эстонские газеты особо отметили струнный оркестр Эстонки, выступавший в составе сводного оркестра.

В то время Эстонка была самой богатой эстонской деревней на берегу Черного моря. В 1913 году в газете «Päevaleht» было написано, что «Здесь много красивых каменных домов с паркетными полами, хозяева которых 30 лет назад жили в хижинах с земляными полами».

С началом Первой мировой войны часть поселенцев были мобилизованы. С эстонцами теперь обращались хуже, чем с другими колонистами, потому что они считались немцами. Оглядываясь назад, некоторые также сочли подозрительным недавний песенный праздник эстонцев, думая, что, наверное, под его прикрытием действовали шпионы. Согласно трактовкам истории Грузии и Абхазии, перед Первой мировой войной на Кавказе действительно действовали немецкие шпионы, деятельность которых координировал немецкий консул в Тифлисе граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург и консул Эдгар Андерс в Эрзуруме. Во время войны писали, что немецкие шпионы прибыли на Черноморское побережье перед войной в качестве экскурсантов, и в Гагре по случаю их прибытия были устроены торжества. «Экскурсионисты» запечатлели все стратегически важные места побережья, такие как устья рек, мысы и т. д., на специальные фотокамеры.

В связи с войной в 1915 г. два немецких члена Совета лютеранской церкви и строитель Альфред Баммэ, только что закончивший строительство лютеранской церкви в Сухуме, был изгнан из Сухума. Эту церковь посещали эстонцы, немцы и латыши.

Экономическая жизнь замерла, так как прекратился вывоз сельскохозяйственной продукции морем.

В Эстонке были жалобы на попытки русификации в начале Первой мировой войны. Но в 1916 г. Хендрик Хольберг прибыл в качестве кистер-учителя и культурно-просветительская жизнь вновь возродилась. Несмотря на трудности, в селе продолжали действовать театральные кружки, оркестр и хор.

В 1915 – 16 годах поселок посетил лютеранский пастор Август Нигол, написавший книгу об эстонских колониях на побережье Черного моря. В 1917-1918 гг. лютеранские пастора не посетили Эстонку и не организовали конфирмацию (подтверждение) для молодежи, поэтому некоторых женихов и невест обвенчал православный священник.

Нами рассмотрено становление поселения Эстонка, его духовная жизнь и показан уровень жизни сельчан. Село бурно развивалось в этом беспокойном регионе в конце царской эпохи. Но мир и процветание были недолгими. Однако о том, в чем был ключ к успеху Эстонки и какую роль сыграла деревня в окрестностях Сухума, рассказывается в следующей статье о сельском хозяйстве.